

Глава первая

20 октября 1501, Лондон

— **П**одумать только — нам заказали свечи для королевской свадьбы! — воскликнул Джил, мой зять, с порога свечной мастерской.

— Да, нам и еще шести другим мастерским, — напомнила я ему, сидя за прилавком и перекладывая пучки свечей. — Четыре сотни восковых свечей для благодарственного молебна, мессы и свадебного пира. Я так рада, что свадьба состоится на виду у всех. Обожаю свадьбы; наверное, потому, что видела слишком много похорон.

Джил прошелся по лавке, выходявшей фасадом на улицу, за которой я наблюдала. Он был невысокого роста, но с мощной грудью и плечами, ведь ему пришлось таскать тюки витых фитилей и металлические формы с тех пор, как он завел собственную лавку в Уимблдоне. Думаю, он понимал, что его положение в «изысканном Лондоне», как он любил выражаться, намного лучше, хотя его еще не приняли в члены Почтенной гильдии Свечных дел мастеров. Я всеми силами пыталась добиться этого, поскольку женщина не могла стать членом гильдии, а мой покойный муж был в ней не последним человеком. Джил взял на себя часть моей работы, и четверо наших подмастерьев бегом бежали, когда он пронзительным голосом приказывал им сделать то, что раньше приходилось делать ему самому.

При звуках его голоса я вздрогнула и задела резцом перья, которые вырезала на крыльях воскового ангела. При-

шлось их затереть. На воске, во всяком случае, ошибки исправить легко. Боже, как же я сожалею об ошибках, совершенных в жизни! Да, если бы я не была так беспечна, может быть, мой дорогой Эдмунд мог бы еще жить и жить.

Я потихоньку спрятала под прилавок свечу с наполовину законченной резьбой, чтобы Джил не видел, что и у этого ангела снова лицо моего умершего сына. Мод и Джил считали меня слабодушной из-за того, что я так глубоко скорблю о нем, но ведь они никогда не имели и не теряли детей. Это крест, который приходится нести Мод, — отчаянно желать и не иметь ребенка.

— Подмастерья говорят, хорошо бы посмотреть, как испанская принцесса въезжает в Лондон¹, — сказал Джил, вытирая руки о закапанный воском фартук. — Да, кстати, ты сама заберешь нашего Артура из школы или хочешь, чтобы я его забрал? Наверное, Кристофер опять зайдет к тебе, когда мы будем закрывать лавку, а я знаю, тебе хочется, чтобы кто-нибудь ждал парня, когда он выходит из дверей.

Мне, как всегда, хотелось самой встретить моего мальчика и проводить его домой, хотя большинство его сверстников возвращались домой одни. Но Джил был прав, упомянув моего возможного гостя. Как у многих вдов, имеющих доходное дело, у меня было несколько поклонников, и Кристофер Гейдж, член совета Почтенной гильдии Свечных дел мастеров, оказался решительнее всех.

¹ Речь идет о прибытии Екатерины Арагонской (1485—1536) — дочери основателей испанского государства Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Екатерина с трехлетнего возраста была помолвлена с Артуром, принцем Уэльским, наследником английского престола. После смерти Артура стала первой женой короля Англии Генриха VIII Тюдора. (Здесь и далее примеч. пер.)

Я не стремилась снова замуж после года вдовства, хотя, конечно, доходы значительно возросли бы, если бы его мастерская объединилась с нашей, но мне хотелось, чтобы Кристофера больше волновало то, как относится к нему мой сын Артур. Подобный союз со свечным дел мастером уже помог мне, когда после смерти членов моей семьи я вышла замуж, но, как обычно бывает в браке ремесленников, мои деньги и мои умения добавились в свечную мастерскую Весткоттов. Это было мое приданое, дар моему мужу Уиллу, а его даром мне стал этот чудесный дом и большая мастерская, но прежде всего он сам был мне прекрасным мужем и отцом моих двух сыновей, одного из которых я, увы, лишилась.

На самом деле я не была готова к очередному разговору с Кристофером и уже собиралась сказать, что сама пойду за Артуром. Но тут сквозь окно лавки — настоящее, из стекла, с гордостью подумала я — я увидела прекрасного вороного коня, неожиданно остановившегося у наших дверей. Нет, двух коней. Хорошо одетая пара спешила, и мужчина, высокий и широкоплечий, дал монетку уличному мальчишке, чтобы тот подержал коней.

— Лучше ты сходи за Артуром, — сказала я, вставая и отряхивая шерстяную бордовую юбку. — Я не знаю этих людей, но, судя по всему, это какие-то богатые клиенты.

— Да, вижу. — Он пригнулся и покосился на них поверх моего плеча.

Так началось самое замечательное приключение в моей жизни.

* * *

В этот поворотный момент своей жизни я, Верайна Весткотт, двадцати шести лет от роду, была свечных дел мастером

с прекрасным домом и мастерской, вдовой, имеющей сына Артура, названного в честь английского принца Уэльского¹. Второй мой сын, двухлетний малыш, мой дорогой Эдмунд, умер четыре месяца назад. К сожалению, мне и раньше доводилось испытывать горечь утрат: семь лет назад от потливой горячки² скончались мои родители и брат. Тяжелым ударом была для меня смерть мужа, но, Боже мой, как же я любила Эдмунда!

Он был так похож на меня — золотые вьющиеся волосы, зеленые глаза и тонкая фигурка, тогда как Артур напоминал своего коренастого, с каштановыми волосами отца. Бедняжка Эдмунд так жалобно глядел на меня из своей постельки, словно умолял: «Спаси меня, мамочка!» Я приглашала аптекаря, цирюльника, чтобы отворил кровь, покупала разные травы, приводила священника и молилась, молилась, молилась, но ничто не могло помочь ему. Может быть, я недостаточно тепло укрывала его ночью? Может быть, случайно дала съесть что-то несвежее? Может быть, пропустила начало его заболевания? Я зажгла десять прекрасных свечей, чтобы под конец жизни он купался в свете, но он все же ушел от нас долиной смертной тени.

С тех пор я, как могла, занималась делом, управляя главной лавкой свечной мастерской Весткоттов, а моя сестра Мод и ее муж Джилберт Пенн съехались с нами, чтобы вести мастерскую. Я работала не покладая рук, кротко разговаривала с нашими клиентами в трауре, ведь бóльшую

¹ Артур, принц Уэльский (1486—1502) — старший сын короля Генриха VII и Елизаветы Йоркской, наследник трона Англии.

² Английский пот, или английская потливая горячка, — инфекционная болезнь неясного генеза с очень высоким уровнем смертности, несколько раз посещавшая Европу (прежде всего тюдоровскую Англию) между 1485 и 1551 годами.

часть наших товаров составляли погребальные свечи или пропитанные воском саваны. В витрине нашей лавки и на деревянных полках внутри я расставила вотивные¹ свечи, которым предстояло гореть на множестве церковных алтарей Лондона во время служб по душам усопших. Когда мне становилось жаль какую-нибудь скорбящую мать, я показывала или даже дарила ей свечу со своей резьбой, изображающую ангела со сложенными крыльями, с лицом, поднятым к небу в божественной надежде.

А ночью я спала, забрав с собой в постель плетеный обруч и спустившийся мячик Эдмунда, и мячик каждую ночь, когда я металась по постели, укатывался, словно это я бросала его в угол.

Все утро, пока не было покупателей, я сосредоточенно, опустив голову, наслаждалась тишиной и одиночеством, не обращая внимания на шум, царивший на людной Кендлвик-стрит. Усевшись на табуретку за прилавком, на котором стояли весы и лежали линейки, я начала вырезать ангельское личико моего мальчика на толстой, диаметром в четыре дюйма, свече высотой в фут. Я не собиралась зажигать ее, потому что мне было невыносимо, что капающий, стекающий воск покроеет его лицо, как саван, в который я его завернула... А затем была крышка гроба, затем земля на кладбище близ Сент-Мэри-Абчерч, рядом с могилой его отца. Потеряв Эдмунда, я стала испытывать ужас перед небольшими замкнутыми пространствами.

¹ Вотивные предметы, вотивные дары — различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания. Обычай приношения вотивных предметов — смягченная форма жертвоприношения. Традиция известна начиная со времен пещерного человека до наших дней.